

Светлана КЕКОВА, поэт, доктор филологических наук. Живет в Саратове. Лауреат премии Аполлона Григорьева, лауреат новой Пушкинской премии и многих других. Автор нескольких поэтических сборников и литературоведческих книг. Стихи переводились на многие европейские языки. Дважды Светлана Васильевна Кекова была гостем Ульяновска, выступала в библиотеках, театрах, побывала в музеях города. Ульяновские ценители поэзии знают и любят творчество поэта. Музыкант Елена Ушакова написала цикл песен на стихи Светланы Кековой.

Программа «Литературная видеогостиная, посвященная творчеству Светланы Кековой» доступна по QR-коду

О стихах Светланы Кековой

«Стихи Светланы Кековой всегда будут пронизаны молитвенным настроением и удивлением перед богатствами видимого и невидимого мира».

Павел Крючков

«Существует поэзия лобового удара, прямо бьющая в цель лирическим признанием или гражданским пафосом. И – поэзия, искусно сотканная из фантазий, ассоциативных связей, поэзия нетривиального образа мыслей, точнее, видения. Такова Светлана Кекова».

Юрий Кублановский

МНЕ НЕКОГО И НЕ В ЧЕМ УПРЕКАТЬ...

Сон в Лазареву субботу

Смерти просты законы.
Взгляд у неё безгневный.
Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.

Сердце больное ноет:
Нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.

Ставим на стол бутылки:
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.

Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.

Он головой качает,
спрашивает: не ждали?
Бабушка отвечает:
- Где же твои медали?

Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
За Сталинград и Прагу?

- Смерть – не моя забота,
есть от неё спасенье –
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...

Елене К.

1

Хлеб с моей руки клюёт синица,
в речке просыпается налим,
а в аду Иуде снова снится
Вход Господень в Иерусалим.

Есть ли миг меж действием и словом
или нет таинственных преград
между Воскресением Христовым
и Его сошествием во ад?

2

В волнах Волги рыб мелькают спинки,
в гнёздах птицы вывели птенцов,
а народ вдыхает в Крытом рынке
запах сыра, мяса, огурцов.

И солдатик с пачкою «Казбека»
овощной обходит молча ряд,
чтоб купить у старого узбека
символ воскресения – гранат.

Памяти Наталии Колосовой

Мы не знаем, когда нам придёт
покидать навсегда этот свет...
С неба ливень невидимый льётся
Нашей радости, скорби и бед.

Ты от этого ливня промокла
и, наверное, спать прилегла,
а в больничные целилась окна,
словно в сердце, стальная игла.

Сколько горечи в тщетной попытке
разгадать, где скрываешься ты –
то ли с Пушкиным мчишься в кибитке,
то ли смотришь со старой открытки
в ореоле своей правоты?

Ах, Наташа, тяжёлое бремя
Избывая, мы верим и ждём,
Что исчезнет пространство, и время
Станет мелким солёным дождём.

И зажгутся пасхальные свечи,
словно солнце в дали голубой,
и случится великая встреча
всех со всеми. И встреча с тобой.

От всех домов, в которых я жила,
от дивных рек, где рыбы молча плыли,
остались угли, пепел и зола
и тонкий слой какой-то влажной пыли.

Мне некого и не в чем упрекать:
хранится время в виде мелких гранул.
Но есть такое право - окликать
и тех, кто жив, и тех, кто в вечность канул.

Зарос осокой бывший райский сад,
а где-то меж сосной и остролистом
две странных рыбы над землёй висят,
и бьют они хвостами в небе мгlistом.

Одуванчик в поле -
поседевший инок -
отпустил на волю
облако пушинок.

Вот летит пушинка
высоко-высоко,
а внизу - кувшинка,
таволга, осока.

То улитка в клетке
движется неловко,
то замрёт на ветке
Божия коровка.

А в колючей хвое -
пауков палатки...
Но пушинка - что ей
наши неполадки?

В небе веселее,
есть во что одеться:
облако белее,
чем душа младенца.

«Да, в земной юдоли
нет завидней доли», -
шепчет облысевший
одуванчик в поле...

Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», -
сказал когда-то один поэт.

Он был любитель вина и пиццы,
а летом ягоды рвал с куста.
Еду ему приносили птицы
в дни мясоеда и в дни поста.

Кормили, словно Илью-пророка -
и птичьих бились в груди сердца...
А он рассказывал им про Блока,
про Льва, про Ангела и Тельца.

А было ли у поэта имя
не ведают Гумисель и Блок,
но каждый ищет свою пустыню,
в которой должен явиться Бог.